

Так где впервые был одомашнен конь?

Как за честь оказаться родиной Гомера спорили малоазийские города, так и за то, чтобы считаться родиной коня, спорят различные страны и различные исследователи — специалисты по древней истории и археологии, палеонтологи и зоологи. Если говорить о Старом Свете, то родиной коня считают Ближний Восток, Северную Африку и европейские степи. Необходимо отметить, что по костям палеозоологам, как правило, для ранних этапов не удается определить, с одомашненной лошадью или дикой мы имеем дело. Часто они говорят уклончиво: «могущая быть одомашненной, если не одомашненная». Возможно, именно так должна быть определена лошадь на Ближнем Востоке (Северный Ирак), датируемая VII тысячелетием до н. э.

Вспомним также находки костей диких лошадей в палестинских палеолитических пещерах.

В Средней Азии на раннеземледельческом поселении первой половины IV тысячелетия до н. э. Кара-депе найден фрагмент керамики с изображением тонконогой, стройной лошади, похожей на ахалтекинскую скакуна с маленькой породистой головкой, хорошо посаженной на красиво изогнутой шее. Возможно, это одно из наиболее ранних изображений быстроаллюрных лошадей. Более определенные данные мы имеем по Эламу для III тысячелетия до н. э., где при раскопках в слоях между Сузами I и II наряду с костями домашней лошади найдено гравированное изображение то ли коня, то ли мула. Что же касается времени одомашнения лошади в Африке, то специфический способ ее заездки свидетельствует в пользу самостоятельности этого пути, правда не оказавшего влияния на смежные территории.

В. О. Витт справедливо считает, что В. Риджуэй не прав, выводив лошадей Египта и даже Ближнего Востока из Ливии (кстати, в этом случае конем должны были управлять с помощью палочки и ошейника, давящего на дыхательное горло). Та же переоценка роли египетских лошадей для древнего коневодства наблюдается и у С. Маркмана. В то же время не следует отрицать и той большой роли, которую играли ливийские и нумидийские кони для греческого коневодства начиная с VII в. до н. э.

Важно подчеркнуть, что на Ближнем Востоке письменные источники и памятники искусства отмечают появление лошадей, запряженных в боевые колесницы, в первой половине II тысячелетия до н. э., что подавляющим большинством ученых ставится во вполне определенную связь с проникновением индоевропейцев.

Как же обстояло дело с одомашнением лошади на прародине индоевропейцев, куда, по последним данным, включены евразийские степи?

На десятках памятников Восточной Европы периода неолита постоянно встречаются кости лошадей, причем соотношение кобыл и жеребцов, молодых и старых коней свидетельствует в пользу того, что

здесь мы имеем дело с уже одомашненными животными. Правда, в большинстве поселений дотрипольского времени кости лошадей составляли от 1 до 5—7%. Тем интереснее оказались раскопки ряда поселений среднестоговской культуры скотоводов, занимавших лесостепные и степные пространства Украины с середины IV тысячелетия до н. э. Несколько поселений этой культуры были раскопаны, в частности Деревка, находящаяся на правом берегу Днепра к югу от Кременчуга. Здесь жили самые ранние коневоды, известные археологам в наши дни. Поселение, согласно работам Д. Я. Телегина, представляло собой небольшой двор, который, очевидно, мог использоваться как загон для скота. По его краям располагались жилые и хозяйственные сооружения. 83% костей относилось к домашним животным, 74% — к лошадям (принадлежали 52 особям). Особый интерес представляет культовое захоронение черепа жеребца рядом с останками двух собак, найденное в восточной части поселения у очага.

Следовательно, уже к концу IV тысячелетия до н. э. или рубежу III тысячелетия до н. э. относится первый документированный факт существования культа коня у племен, населяющих нашу территорию. Оказалась приподнята завеса над идеологическими представлениями древнего населения. На основании костных материалов одного коня палеозологи смогли реконструировать экстерьер животного, найдя ему место в длинном ряду предшествующих и последующих форм. Прежде всего вызывает удивление большой рост жеребца—144 см. Даже по современным понятиям он приближается к стандартам казахских жеребцов, а ведь в скифо-сарматское время в степях преобладали кони ростом 120—130 см в холке, а в лесах с конца I тысячелетия до н. э. до I тысячелетия н. э. — всего лишь 110—130 см.

Поэтому В. И. Бибикова характеризует реконструированного жеребца как крупного верхового коня, похожего на тех, что мы знаем по Пазырыкским курганам. Он несколько более толстоногий, чем кони степей эпохи поздней бронзы, более крупный, чем тарпаны и лошади Пржевальского (по ряду особенностей скелета близок к тарпанам, но отличается от них чертами, типичными для одомашненных лошадей).

Среди костей диких лошадей более раннего времени В. И. Бибиковой найдена форма *Equus caballus Missii* из Поволжья, которая скорее всего представляет собой предка домашней лошади из Деревки. Следовательно, на этой территории был как исходный материал — дикие лошади, — так и все необходимые условия для их одомашнения. Причем среднестоговская культура хотя и стоит особняком, но имеет одновременные с ней памятники днепродонецкой культуры, где удельный вес лошадей в стаде достигал 20%—цифра также весьма значительная

ПЕРВЫЕ КОНЕВОДЫ

В Приднепровье лошадь, видимо, была сначала верховой. Подтверждение этому — находки роговых псалиев. Так, в Дереевке найдено шесть экземпляров, в Виноградном—один, в 18-м погребении Александрии— две заготовки псалиев. Все псалии среднестоговской культуры изготовлены из отростков рога оленя длиной 8—14 см с одним или двумя отверстиями для продевания ремней (или шнуров) оголовья и удила.

Как же реконструировать наиболее раннюю форму конской уздечки? Помогут нам в этом многочисленные материалы эпохи бронзы, собранные и интерпретированные блестящим знатоком степных и лесостепных памятников I тысячелетия до н. э. К. Ф. Смирновым. Роговые и костяные псалии длиной до 14—16 см наряду с деревянными, не дошедшими до нас, имели длительную эволюцию в евразийских степях от Минусинской котловины на востоке до Дуная на западе на протяжении III—I тысячелетий до н. э. В раннее время они использовались с мягкой уздой из сыромятных ремней, скрученных сухожилий или крученых шнуров, позже — с металлическими удилами. Центральное отверстие служило для продевания ремня повода и мягких удила. К концам псалии, очевидно, привязывались ремни или оголовья (наносный и подгубный), составляющие то, что в современной уздечке называется капсюлем (или капцугом) и имеет, как мы уже говорили, некоторую аналогию в древних ременных или металлических намордниках.

Близкие по форме псалии найдены в полосе евразийских степей от Дуная (А. Можолитч, Дж. Банди и С. Бекени) до Сибири (П. М. Кожин). Кстати, роговые псалии афанасьевской культуры представляют наиболее близкие аналогии среднестоговским. Уникальна форма бронзовых псалии майкопской культуры конца III тысячелетия до н. э.

Псалии представляют собой бронзовый стержень с закрученной петлей в середине с продетым через нее узлом, которым заканчивались мягкие удила, повод и ремень оголовья. Насечки и выпуклости на краях псалии служили, очевидно, для закрепления наносного и подгубного ремней. Люди, оставившие памятники майкопской культуры, жили оседло. В их стаде лошади составляли очень невысокий процент. Главным занятием было разведение свиней и крупного рогатого скота. Правда, они могли использовать богатые альпийские луга Кавказа для отгонного скотоводства, но безусловных данных об этом у нас нет. Тем интереснее тот факт, что уже в те времена представители выделявшейся знати пользовались конем для верховой езды.

Революционная роль, которую сыграл переход к производящему хозяйству, или же, по Ф. Энгельсу, от дикости к варварству. Впервые человек начал активно не только как разрушитель, но и как созидатель вмешиваться в жизнь природы. Это был гигантский шаг вперед, незамедлительно повлекший за собой переход от замкнутых обществ с присваивающим хозяйством к земледелию и скотоводству, который основывался на наличии

связей и, в свою очередь, вызывал их. Резко увеличивается освоенная человеком территория, растет народонаселение, ведущая роль переходит к земледелию, дифференцируется в зависимости от природных условий скотоводство.

Вместо малочисленных, разрозненных племен появляются крупные культурно-исторические области (они же культурные общности), объединявшие многие племена. Ведь особенности евразийского «прямоугольника степей» заключались в том, что своими тысячеверстными границами он соприкасался со всеми крупнейшими очагами земледелия, металлургии и металлообработки. «Срединный степной мир» перестал разделять эти центры и на долгие века стал торной дорогой. Причем, если вначале преобладало направление с юга на север (так шли в степь достижения земледелия и скотоводства), то затем, после освоения коня, началось обратное движение.

Первое освоение степей

Следует помнить, что разнообразные климатические, экологические условия, особенно если речь идет о горных долинах, приводят к различным формам хозяйства.

В. И. Цалкин, анализируя предложенную Дж. Кларком схему изменения характера скотоводства в умеренной полосе Западной Европы [переход от разведения коров и свиней в неолите к овцеводству (до 88%) при сохранении крупного рогатого скота в эпоху раннего железного века], подчеркивает, что для Восточной Европы создание такой схемы невозможно из-за весьма разнообразных природных условий.

Возьмем древнеямную культурно-историческую общность, объединявшую целый ряд племен от Волго-Уральского междуречья, где она сложилась, до западных границ нашей страны (с конца или середины IV тысячелетия до н. э. до середины II тысячелетия до н. э.).

Геоботанические и палеозоологические данные говорят о том, что в ямной культурно-исторической общности, в которую входит девять локальных вариантов, в зависимости от экологических условий можно выделить несколько моделей хозяйств:

1) Разведение мелкого рогатого скота в полынно-типчаковых солончаковых степях при наиболее подвижном образе жизни (Нижнее Поволжье). Любопытно, что отдельные могильники уже достаточно далеко уходят в степи (на 15—90 км от Волги или Маныча).

На основании анализа половозрастной принадлежности погребенных можно считать, что в перекочевках участвовало все население племени, а не только мужчины-чабаны, занимающиеся отгонным скотоводством.

2) Разведение крупного рогатого скота в богатых хорошими, сочными кормами долинах, что приводило к прочной оседлости с преобладанием пастушеского скотоводства (поймы Дона и Днепра).

3) Наличие богатых кормами долин лесостепи и разнотравных степей приводит и к другой форме скотоводства — пастушескому коневодству, сочетающемуся с разведением крупного и мелкого рогатого скота и свиней при сохранении оседлого образа жизни (низовье Дона).

Кости домашних животных встречаются не только в слоях поселений, что говорит об использовании мяса данного животного, но и в качестве ритуальной пищи, которая сопровождает покойного в загробный мир.

Другое свидетельство пастушеского скотоводства — кости собак (ритуальные захоронения в Деревке и находки в погребениях окуневской культуры). Интересно, что хеттские законы XIV—XIII вв. до н. э. в ряде „параграфов определяют относительную стоимость собак, причем самой дорогой считалась пастушеская, стоившая 20 полусиклей серебра, что равно цене за упряжную лошадь или 500 литров полбы, 320 литров вина, 40 бычьих кож, 200 шкур овец.

Охотничья собака уже ценилась в 12 полусиклей — несколько дороже годовалого жеребчика в дешевле лошади. Дворовая же — всего один полусикль, что равно цене узды или упряжи, двум бычьим козам, головному убору, двум сырам.

Открытие колеса и повозки

В IV—III тысячелетиях до н. э. в Двуречье появились древнейшие повозки, а с начала III тысячелетия до н. э. существовали уже разные обозначения для грузовых и боевых повозок. На территории нашей страны сейчас эти находки насчитываются десятками.

.В. А. Куфтин, в результате сенсационных раскопок в Триалетских курганах привез в Государственный музей Грузии в Тбилиси множество находок.

Наибольшее внимание обращает здесь на себя древняя повозка с большими колесами из толстых досок.

Запряженные быками или эквидами, они были прототипами легких боевых колесниц. Создатели последних восприняли и переработали старый принцип дышловой запряжки для пары животных, конструкцию ярма и кузова.

Многие авторы считают родиной повозок различные районы древнего мира: Месопотамию (древнейшая модель повозки конца IV тысячелетия до н. э. из Древнего Урука; изображение открытой боевой повозки-арбы на штандарте из Ура и т. д.); Кавказ или Загрос (повозки из Триалетских курганов и материалы куро-арак-ской культуры); евразийские степи. Судя по единству конструкций и наименований деталей в различных языках, можно предполагать, что повозки имели один центр происхождения, из которого они проникли во все отдаленные уголки ойкумены — от Западной Европы до Китая.

В.Ф. Зайберт